

Ирина Токмакова
АЛЯ, КЛЯКСИЧ
И
ВРЕДНЮГА

Ирина Токмакова

АЛЯ, КЛЯКСИЧ И ВРЕДНЮГА

Художник Татьяна Ляхович

ЭКСМО-ПРЕСС
1999

УДК 882-93
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Т 51

Разработка серийного оформления
И. Сауков

Т 51 **Токмакова И. П.**
Аля, Кляксич и Вреднюга: Повесть-сказка / Илл.
Т. Ляхович. — М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1999.—
80 с. (Серия «Точка, точка, запятая...»).

ISBN 5-04-002134-8

УДК 882-93
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-04-002134-8

© И. П. Токмакова. Текст. 1999 г.
© Т. А. Ляхович. Иллюстрации. 1999 г.
© ЗАО «Издательство «ЭКСМО-Пресс».
Серийное оформление, 1999 г.

Глава первая

Подходила к концу третья четверть. Приближались весенние каникулы. Они ещё называются «Книжкина неделя», и мама обещала Але, что они пойдут в бывший Дворец пионеров, который теперь, правда, называется как-то по-другому, на встречу, как мама сказала, с «живыми писателями». И даже художники, которые рисуют картинки в детских книжках, там будут тоже. Аля с нетерпением ждала этого дня и вообще каникул, потому что они с Антоном тоже настроили всяких планов. На кошачью выставку сходить, и разыграть перед родителями пьесу, которую они сами же и сочинили, про фею Арабеллу и лесного гномика Чора.

Но примерно за неделю до каникул в первом классе «Б» стали твориться невероятные вещи. Учительница Юлия Викторовна хваталась за голову и не знала, что и подумать. Все ребята в классе очень прилично читали. По математике тоже у большинства были вполне подходящие отметки. Но русский! Боже ты мой, что творилось на уроках русского языка! Все всё путали, все всё писали с ошибками. В третьей четверти Юлия Викторовна уже собиралась ставить настоящие оценки, а не красненькие

и синенькие кружочки, как она делала с начала года. Но кому и что ставить по русскому языку? Всем двадцати восьми ученикам — только двойки? И мальчикам, и девочкам?

Антон зашёл к Але совсем поздно, мама уже несколько раз успела сказать:

— Александра, быстро — чистить зубы, умываться и спать!

Открыв входную дверь, она удивилась:

— Антон, ты что это на ночь глядя?

— Я на минуточку, Клавдия Васильевна, ну, на самую коротенькую минуточку.

Он прошмыгнул в Алину комнату.

— Аль, ты понимаешь, что происходит?

— Ты про что?

— У тебя что, голова квадратная, что ли? Не понимаешь? Я про все эти двойки по-русскому!

— Ужас какой-то, — подхватила Аля.

— Тебе не кажется...

— Ой! — вдруг начала догадываться Аля. — Кляксич, да? Ты это хотел сказать, Антош, а? Ну говори же!

— Кляксич или кто-нибудь ещё, этого я знать не могу. Но что-то ведь происходит.

— С ребятами? Со всеми нами?

— Да при чём тут ребята! Ясно же, что в учебнике какая-то ерунда...

— Что же нам делать, ты придумал?

— Не придумал ещё. Но делать что-то надо.

— Антон, тебе пора домой! — крикнула мама из-за двери. — Александра, чистить зубы, умываться и спать! Я ложусь. Мне завтра рано!

— Мам, сейчас! Ты ложись, мам. Я через минуточ-

ку! — ответила Аля и зашептала, обращаясь к Антону:

— Ты думаешь, можно что-нибудь сделать, как тогда с Нулем, да?

— Возможно. Только вот как?

Антон взял учебник с Алиного письменного столика и задумчиво повертел его в руках. Учебник как-то сам

собой открылся на седьмой странице, но там вместо плохо нарисованных уток, почему-то покрашенных как воробьи, лиловой свёклы и зелёного индюка, которых уже давно проходили, стоял стол, покрытый облезлой клеёнкой, и трое каких-то подозрительных уродцев, сидя за этим самым столом, разговаривали с четвёртым, который стоял перед ними навтыжку.

— Послушай, Вреднюга, — говорил один из сидевших за столом.

— Но, господин Кляксич, — отозвался тот, что стоял, — я же сделал всё что мог. Посмотрите, ведь какие гусиные стаи летают из тетрадки в тетрадку.

— Вы же обещали, — продолжал говорить тот, кого называли Вреднюгой, — что после того, как я сделаю последнюю эту вредность, меня будут называть Лапушкой.

— Успеешь, — сказал Кляксич. — Может, тебя и назовут Лапушкой, но только после того, как весь класс, ты слышишь, весь первый класс «Б» останется на второй год! — отрезал Кляксич. — Я так решил, и так будет!

— Но ведь вы обещали, — настаивал Вреднюга.

— Рано! — вмешался второй из сидевших уродцев. Мы, Помарка и Описка, мало что можем сделать. Из-за помарок и описок на второй год не оставляют. Поставят всем тройки, на том и конец.

— Я много что мог сделать раньше сам, — сказал Кляксич. — Могущественнее меня никого не было. Это когда ребята в школе писали чернилами. А теперь враги мои изобрели всякие там шариковые ручки. Так что изволь служить мне верой и правдой, если не хочешь до конца дней остаться Вреднюгой!

Тут седьмая страница дрогнула, и снова появились коричневые утки, лиловая свёкла и зелёный индюк.

— Скорее! Скорее на помощь! — раздались вдруг странные, кричающие голоса. — Вреднюга нас погубит!

Это махали крыльями и кричали те самые коричневые утки. Они жалобно смотрели на Алю и Антона.

— Вы нам поможете, ведь правда? — молила одна из них.

— Аль, надо решаться, — прошептал Антон.

— Нам не привыкать, — заметила Аля. — Но как же нам туда попасть?

— О, это совсем просто! — прокричали утки, слетая со страницы. — Садитесь, мы вас отнесём!

Стоило только принять решение. И Аля с Антоном в одно мгновение оказались в учебнике русского языка!

Глава вторая

Страница была вовсе как бы не страницей, потому что они очутились на поляне, поросшей аптечной ромашкой и колокольчиками. На краю поляны рос куст бересклета.

Ой, что там творилось! В каком-то невероятном хаосе и беспорядке бегала целая толпа букв, выкликая что-то совершенно невнятное.

Увидев Алю и Антона, они выстроились в две шеренги, подняв к ним руки, как бы умоляя о чём-то. Шеренги эти выглядели так:

— Кто вы такие? Что вы хотите? О чём вы просите? — полюбопытствовала Аля, с ходу не поняв, что происходит.

— Аль, это всё согласные буквы, — догадался Антон. — Помнишь, мы проходили в первой четверти?

Согласные буквы согласно закивали головами. Но толком объяснить они почему-то ничего не могли. И только произносили какие-то странные, немислимые слова:

— Зыкымын! Пэрэфэ! Тыфыхэц!

— Ясно, что тут поработал этот самый Вреднюга, — сказал Антон.

— А что же он сделал? — недоумевала Аля.

— Вот в этом-то и весь вопрос.

Куст бересклета слегка зашевелился. С нижней веточки на траву прыгнул человечек. На нём были синие брючки, такая же синяя курточка, из-под курточки выглядывала чистенькая белая рубашка.

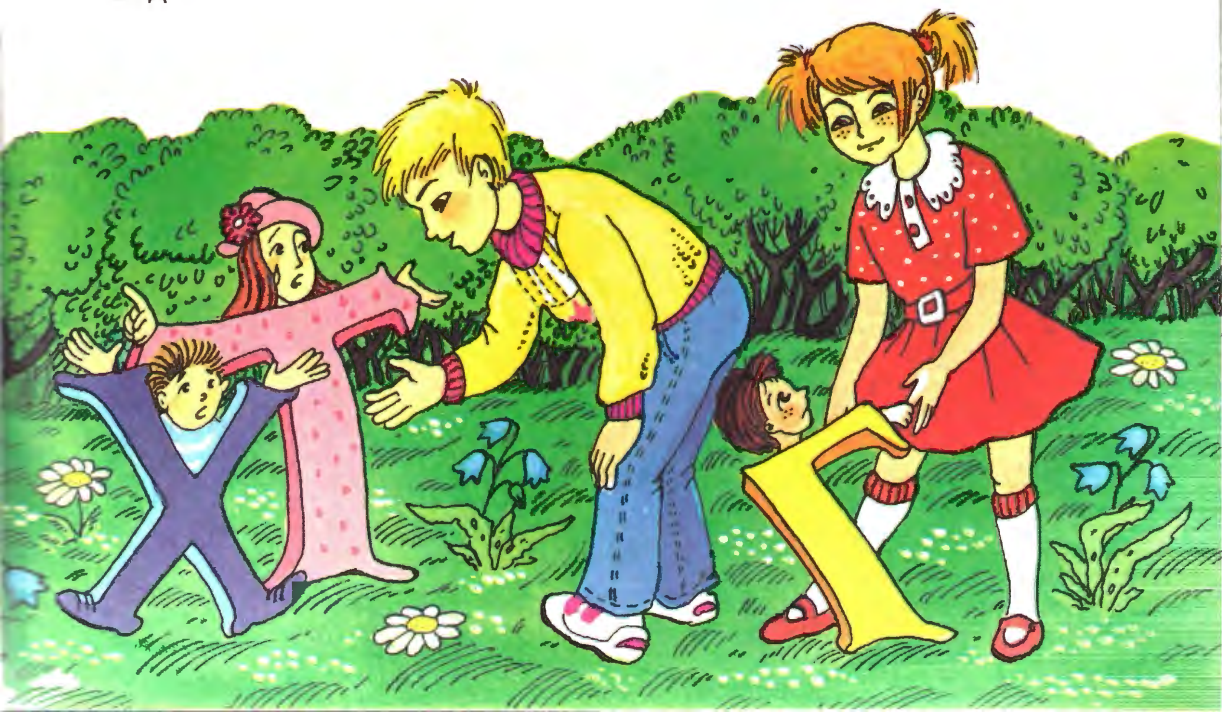
— О, как хорошо, что вы здесь! — воскликнул он. — Давайте знакомиться. Меня зовут Грамотейка.

— Откуда ты? — удивилась Аля.

— Вот из этого куста, — ответил Грамотейка. — Я там прятался от Вреднюги.

— А вообще-то ты где живёшь? — спросил Антон.

— Здесь, в учебнике, и живу. Я должен следить за порядком. Я стараюсь, чтобы ребята учились хорошо и писали грамотно. А Вреднюга делает так, чтобы никто из первоклассников ничего не усвоил. Они с Кляксичем хотят, чтобы вообще весь первый «Б» остался на второй год.

— Это мы знаем, — заметил Антон. — А скажи, пожалуйста, о чём шумят все эти буквы и почему они выговаривают такие странные, закамулистые слова!

— Да как же! Вреднюга вместе с Кляксичем сочинили такое стихотворение, что в нём попрятались все гласные звуки, остались только Ы и Э.

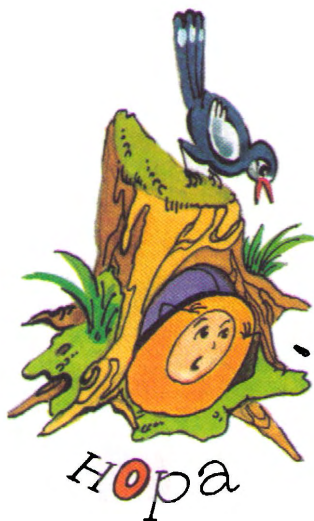
— Вот оно что!

— Ну да Вы же знаете, что согласные даже при своём хорошем характере без гласных звуков выговорить ничего не могут.

— Что же это за такое заколдованное стихотворение?

— А вот послушайте. Я сидел в кустах, и всё слышал, и всё запомнил:

*Однажды в лес пошли гулять
А, Е, И, О, У.
Ты можешь их пересчитать:
А, Е, И, О, У.
Из чащи выбежал медведь
А! Е! И! О! У!
И начал страшно так реветь:
— АЕИОУ!!!
И все попрятались они
А, Е, И, О, У.
Теперь внимательно взгляни
А, Е, И, О, У.
А по сей день сидит в тАзу,
А Е сидит в вЕдре.
И — там под вИшнями внИзу,
О прячется в нОре.
У — возле кочки на лУгу.
Молчит, и больше — ни гугу!*

— Да, плохо дело, коль они запрятались, и ни гу-гу, — заметил Антон. — Без гласных звуков — какие же слова!

— Я помню, — подхватила Аля, — когда мы слоги проходили, Юлия Викторовна нам ещё объясняла, что сколько гласных в слове, столько и слогов.

— Верно, — подхватил Грамотейка. — Гра-мо-тей-ка! Четыре гласных и четыре слога.

— А иначе получится Грмтйк, и не выговоришь, — заметила Аля.

— Пойдите, делать-то нам что? Вот вопрос! — сурово заметил Антон.

— Я знаю — что, — отозвался Грамотейка. — Только

вот я совсем не знаю — как. Кляксич объявил Помарке, что гласные звуки появятся, только если кто-нибудь найдёт в книжках или сам сочинит антистих. А я даже не очень понял, что бы это могло значить.

— Антисти-и-их? — протянул Антон. — Вот это да! Аль, как ты думаешь, что это такое?

— Ну давай поразмыслим, — предложила Аля. — Анти — это значит против. Я это точно знаю. Когда была эпидемия гриппа, мама мне каждый день давала такие беленькие шарики. Называется антигриппин. Значит — против гриппа.

— А моя бабушка покупала антимошь — от моли, — заметил Антон. — Значит, в этом слове тоже есть анти — то есть против.

— А что же тогда такое «квар»? — спросил Грамотейка.

— Какой такой «квар»? — не поняла Аля.

— Ну, анти-квар!

— Эх ты, грамотей Грамотейка! — рассмеялся Антон. — Мы как-то с папой заходили в антикварный магазин, и папа объяснил мне, что «антиквар» происходит от латинского слова «антиквариус» и обозначает знающий, понимающий старину. Анти — тут совершенно ни при чём! Потому что антик — это старина.

— Ну тогда если анти — против, то должен быть какой-то против-стих, — задумчиво заметил Грамотейка.

— Верно! — подхватила Аля. — Только от этого всё равно не легче, — продолжала она. — Ведь — тут книжек под рукой у нас нет. Где же искать подходящие стихи?

— Значит, надо самим сочинять. У Вреднюги медведь

страшный. Значит, в антистихе он должен быть добрый! Аль, начинай!

— Ты что, смеёшься? — захныкала Аля. — Я же тебе не Пушкин. И даже не Берестов.

— Всё равно. Соберись. Выхода у нас нет. Ну!

— Навстречу вышел к ним медведь, — неуверенно произнесла Аля. Тут она вспомнила, как с мамой была в Третьяковке и видела картину Шишкина «Утро в сосновом бору» с симпатичными мишками.

— Такой, как на картине, — добавила она посмелее.

— Раз он в том стихотворении страшно ревёт, так тут он, может, будет петь песни? А вообще-то медведи любят малину, — рассуждал Антон.

— Сказал, мы будем песни петь, — продолжала сочинять Аля.

— Не забудь про малину, — напомнил Грамотейка.

— Вас угощу малиной! — подхватила Аля.

— Меня не бойтесь вы, друзья, медведь совсем не страшный я, — вдруг прорвало и Антона.

— Вроде бы получается, — сказал Грамотейка. — Ну-ка, давайте снова да ладом.

И они, даже сами не зная для чего взявшись за руки, громко отчеканили:

*Навстречу вышел к ним медведь,
Такой, как на картине,
Сказал: «Мы будем песни петь.
Вас угощу малиной!
Меня не бойтесь вы, друзья,
Медведь совсем не страшный я!»*

Тут над поляной промчался-прошумел порыв ветра, такой, что пошибал листья с бересклета, взвыл, как пароходная сирена — аеиоуууу! — и... перед изумлёнными ребятами появились буквы А, Е, И, О, У. Им навстречу кинулись осиротевшие было гласные Э и Ы.

— Какие же вы молодцы! — воскликнул Грамотейка, сердечно пожимая руки Але и Антону. — Мне бы одному никогда не справиться!

— Теперь можно какие хочешь говорить слова, теперь можно как угодно делиться на слоги. И правильно делать перенос! — ликовали согласные буквы.

В обнимку с гласными буквами они запели шутливую песенку:

*На лугу паслись теля-
та, безрогие пока.
Я в тетрадке накаля-
кать могу тебе жука.*

*Лишь тогда бывает слог,
Если рядом гласный звук.
Ты бы слог сложить не смог
без него, поверь мне, друг!*

Итак, Кляксич был посрамлён. Да здравствует наука!

глава третья

— Ну вот и славно, — сказал Грамотейка. — Теперь уже двоек станет поменьше. Ребята будут правильно делить слова на слоги и переносить слова тоже будут как полагается.

Но не успел он это выговорить, как послышались чьи-то вопли:

— Грамотейка, скорее, скорее, на помощь!

Прямо к ним на полянку вприпрыжку неслись... зайцы. И зайчиха-бабушка, и заяц-дедушка, и зайчиха-мама, и заяц-папа, и целая куча зайчат, мал мала меньше.

— Что случилось? Откуда вы? — удивился Грамотейка.

— Мы с тридцать третьей страницы! — задыхаясь, начал объяснять папа-заяц. — Мы себе там мирно жили на картинке, а рядышком имел своё жительство Мягкий знак. Добрый такой, мягкий, обходительный. Зайдёт, бывало, говорит «Желаю здравствовать», уходит, мол, «Я вам кланяюсь». Или спросит: «Не надо ли чем помочь? Может, нужна морковь? Может, картофель? А может, кочанчик капусты прикатить, деток покормить?»

— Ну а дальше-то что? — не понял их тревоги Грамотейка.

— Да как что? Мы же и говорим, Мягкий знак... Ой, у тебя гости, Грамотейка! Может, они помогут, а?

— Мы за тем здесь и находимся, чтобы помочь, — солидно ответил Антон, хотя в первый раз в жизни ему довелось разговаривать с зайцами. — Только постарайтесь сначала объяснить, что случилось.

— На вашей тридцать третьей странице, — добавила Аля.

— Они пришли все!

— А Кляксич и говорит!

— А Вреднюга-то, Вреднюга, цап его прямо за вихры и в мешок, в мешок его, да ещё и верёвкой завязал.

Зайцы затараторили, перебивая друг друга, торопясь всё рассказать, но разобрать, что они говорят, было просто невозможно.

— Тише! — прикрикнул на них Грамотейка. — Ну-ка, кто-нибудь один. Давай-ка ты, заяц-папа, снова да ладом, всё по порядку.

— Так вот я и сообщаю вам, — проговорил заяц-папа. — Мы себе сидели на брёвнышке, бабушка вязала к зиме зайчаткам варежки, дедушка читал газету «Лисьи Вести», а я...

— Кому это нужно знать, — перебила его зайчиха-мама.

— Ну да, дорогая, ты, как всегда, права, — согласился с ней заяц-папа. — Так вот сидим мы, значит это, на брёвнышке, и вдруг видим, вваливается на нашу тридцать третью страницу вся компания — господин Кляксич...

— Образина несчастная, — пробормотал заяц-дедушка.

— Не перебивайте меня, папаша, — попросил заяц-папа. — Так вот, — продолжал он, — Кляксич и говорит Помарке:

«Надо же что-то сделать с этим самым Мягким знаком. Если его не будет в положенном месте, представляете себе, какая будет путаница! Уж двоечек-то образуется в тетрадочках, двоечек!»

И он даже потёр свои навеки перемазанные в чернилах руки.

А Помарка отвечает:

«Что я с ним могу сделать? Ну разок неправильно напишу, ну перечеркну. Помарка она и есть помарка».

«Не помощники вы, а так, рухлядь какая-то», — рывкнул на него Кляксич, заодно и на Описку, который, правда, стоял молча и вообще пытался сделать вид, что его тут даже и вовсе нет.

«Ну, Вреднюга, — сказал Кляксич, — давай, действуй».

«Я не хочу, — захныкал Вреднюга. — Я несчастный такой. Никто меня никогда не понимал. Я всегда хотел как лучше, а у меня всегда получалось как хуже».

— Тут он даже чуть не заплакал, — вставила зайчиха-мама.

«Мне так хочется, чтоб меня погладили по головке и сказали бы мне «Лапушка», — говорил Вреднюга, — продолжал рассказ заяц-папа.

«Вот ты и будешь Лапушкой, — ухмыльнулся Кляксич, — когда оставишь мне весь первый «Б» на второй год!»

«Вы мне обещаете? — прохныкал Вреднюга. — Меня правда будут звать Лапушкой?»

«Честное слово злодея», — отрезал Кляксич.

И тогда... и тогда Вреднюга, как я уже сказал, схватил Мягкий знак прямо за вихры — и в мешок. И они все поволокли его куда-то. А бабушка — она у нас дальнотзорная, успела только разглядеть, что на мешке написано «СОЛЬ».

— Какая соль? Почему вдруг — соль? — недоумевал Грамотейка.

— Неизвестно, какая и почему, — вздохнул заяц-папа, завершая свой драматический рассказ.

Аля и Антон переглянулись.

— Антош, ты только представь себе, — сказала Аля, — что может получиться! Вот продиктует Юлия Викторовна: «В шахте добывают каменный уголь», а ребята напишут «каменный угол», и тогда уж ничего не поделаешь, пойдут шахтёры и будут этими самыми... ну, как их?

— Отбойными молотками, — подсказал Антон.

— Ну да. Отбойными молотками отколачивать все углы у каменных домов! Ужас какой-то! Сколько домов рухнет!

— Плохо, конечно, когда корабль садится на мель, — добавил Антон. — Ну а если мель превратится в мел, в

меловую гору, например? Корабль налетит на неё и разобьётся!

Все — и гласные, и согласные, и зайцы, и даже сам Грамотейка вопросительно смотрели на Алё и Антона.

— Аляка, надо действовать! — решительно сказал Антон. — Ведите нас на свою тридцать третью или какую хотите страницу, — обратился он к зайцам. И под предводительством зайца-папы, в сопровождении всего заячьего семейства и Грамотейки они пошли выручать Мягкий знак, хотя как это сделать, никто пока что не имел понятия.

Зайцы повели их сначала по узенькой тропочке, потом пересекли просёлочную дорогу, по которой только что проехал и сильно напылил грузовик с сеном, затем свернули в лес. Пробежав немного по лесной дорожке, они вдруг неожиданно остановились.

— В чём дело? — спросил, подходя к ним, Грамотейка.

— Здесь под кустом — мешок, — прошептал заяц-папа.

— Кажется, это тот самый, — добавила зайчиха-бабушка.

Действительно, под ореховым кустом лежал мешок с надписью «Соль», а из него неслись жалобные звуки:

*Ах, печаль, печаль, печаль,
Никому меня не жаль,
И не сесть мне, и не встать,
Тут придётся пропадать.*

— Он здесь! — воскликнул Грамотейка. — Скорее развяжите мешок!

Аля и Антон принялись развязывать затянутую двойным узлом верёвку. Но не тут-то было! Узел никак не поддавался. Они крутили и трепали верёвку и так и эдак. Никакого результата! Зайцы пробовали разгрызть ее своими острыми зубами. Грызуны всё-таки! Но ничего, решительно ничего у них не получалось! Видно, не только Вреднюга тут поработал. Кляксич хоть и утратил свою возможность ставить кляксы, но, видно, колдовать не разучился. В чём же на этот раз состояло его колдовство?

— Антошка, ну ты же умный, сообрази же! — понукала его Аля.

— Алька, я, честное слово, ничего не могу придумать, — смущённо признался Антон.

— Ну давай поразмыслим, — произнесла Аля свои любимые слова, которые она, надо сказать, собезьянничала со своей мамы. — Соль — она что?

— Соль — она солёная, — недовольно буркнул Антон. — Что это нам даёт?

— Соль добывают в соляных коях, — учительским тоном добавил Грамотейка.

— И это нас ни на шаг не продвигает, — проворчал Антон.

— Соль кладут в суп, — задумчиво произнесла Аля, вспомнив мамин вкусный борщ.

— Алька, ты гений! — вдруг завопил Антон. — В супе она растворяется. Значит... значит, её нужно растворить, и она тогда...

— Тогда она, может быть, уйдёт из мешка. И тогда, возможно, мы сумеем развязать мешок! Только чем же её растворить? — заволновалась Аля.

— Я понял, понял, вы на правильном пути! — воскликнул Грамотейка.

— Что ты понял? — спросил Антон.

— Ну мы же с вами не где-нибудь, а в учебнике русского языка. Значит, растворить её можно мокрыми словами, желательно теми, у которых есть мягкий знак.

— Какими же это? — не сразу поняла его мысль Аля.

— Я догадался! Догадался! — завопил Антон. — Конечно же!

Он наклонился над мешком и стал повторять, как заведённый:

— Дождь, капель, сырость, ливень, дождь, капель, сырость, ливень, дождь, капель, сырость, ливень.

Все не сводили глаз с мешка и ждали, что же произойдёт. А происходило вот что. Мешок стал на глазах уменьшаться и уменьшаться, и когда он сделался совсем маленьким, верёвки сами с него соскочили, и из него, отряхиваясь, кашляя и чихая, выбрался Мягкий знак.

— Мы его освободили! — завопили зайцы, все разом.

— Нет, не вы, — сказал Грамотейка. — А наши добрые друзья из первого «Б».

Зайцы собрались было обидеться, но Грамотейка вручил (или влапил?) каждому сочную рыженькую морковь с зелёным хвостиком и полноценным мягким знаком на конце, и зайцы, довольные, побежали назад, на свою тридцать третью страницу.

Итак, Кляксич снова был посрамлён. Да здравствует победа!

— Освободить-то мы освободили, — согласился с Грамотейкой Антон. — Однако дальнейшее меня всё же смущает.

— В каком смысле? — не поняла его Аля. — Что ты имеешь в виду?

— Да всё тот же Мягкий знак, — ответил Антон. — Кляксич заставит Вреднюгу продолжить на него охоту, как только поймёт, что тот опять на свободе и помогает ребятам получать хорошие отметки.

— Ты, пожалуй, прав, — Аля задумчиво почесала нос указательным пальцем.

— Что же предпринять? — стал размышлять вслух Грамотейка. — Ох, видно, я совсем не гожусь для своей работы! Не могу я справиться с этой бандой. Не умею помочь ребятам хорошо учиться. И откуда взялись эти негодяи? И почему они напали именно на мой учебник? Шли бы они себе куда-нибудь в географию!

— Перестань ныть, как больная корова! — оборвал сердито его Антон. — Надо соображать и действовать, а не ныть!

Но эта бодрая фраза никого не взбодрила. Воцарилась гнетущая тишина. Но тут вдруг Алю осенило.

— Антошка, вспомни, мы проходили такую тему. Она называлась «Мягкий знак в середине слова». Помнишь?

— Ну помню. И что?

— Да как это что? Надо поместить его в середину слова, и тогда они, то есть Кляксич и вся бандитская компания, его не найдут!

— А как это сделать? — спросил Грамотейка.

— Мы-то сами не сможем, — сказала Аля. — Но ребята, которые читают книжку и учатся в первом классе, это сделают.

— Что сделают? — всё ещё не догадывался Антон.

— А вот что, — сказала Аля. — Нарисуют ельник. В ельнике будут пеньки. На пеньках будут сидеть маленькие зверьки — ну там мышки, белочки, а вокруг пеньков будут расти васильки, а над ними будут кру-

жить мотыльки. И ребята напишут все эти слова. А в этих словах — в середине у каждого — Мягкий знак. Там, запрятанного в середину слова, Вреднюга ни за что не обнаружит!

— Ты думаешь, ребята справятся? — засомневался Грамотейка.

— Непременно справятся, — уверила его Аля. — Я помню, как они мне помогали, когда ещё не учились в школе, а мне пришлось освобождать букву Я!

Мягкий знак вздохнул с облегчением, отряхивая последние крупинки соли, налипшие на его задиристый вихор.

Глава четвёртая

В глубоком овраге за кучей сухого валежника шло конспиративное совещание. Вся команда негодяев была в сборе.

— Ты безмозглая голова, а не Лапушка, — ругался Кляксич. Его чёрная шляпа совсем съехала ему на глаза, из-под неё торчал только красный горбатый нос. — Если бы ты не написал на мешке слово «соль», они бы ни за что и никогда не догадались, как её оттуда вытопить.

— На нём уже было написано, — оправдывался Вреднюга. — Фабричным способом.

— «Способом», — передразнил его Кляксич. — Надо было тогда самому догадаться и замазать. Кляксу поставить!

— Как же, поставишь тут кляксу! — вмешался в разговор Помарка. — Я даже не знаю толком, продаются ли теперь в магазинах чернила. Ребята уж и слова-то такого, наверно, не знают.

— Ну времена настали! — проворчал Кляксич. — А теперь ещё эти мокрохвостые явились.

— Да почему ж они мокрохвостые? — осмелился возразить ему Вреднюга. — Они уже в школе учатся.

— Знаю, что учатся, — не изменял своего раздражённого тона Кляксич. — Девчонка такая противная. Я от неё ещё в прошлом году в Азбуке еле отвязался.

— Дотошная! — подтвердил Описка.

— Я думаю, и парень не лучше. Уж очень умничает! — снова влез в разговор Помарка.

— Ну ладно, хватит ля-ля разводить, — оборвал их Кляксич. — Надо действовать.

— А может, не надо? — заметил слабым голосом Вреднюга.

— Что? — взревел Кляксич. — Я тебе говорю, приду-рок! А то на всю жизнь так Вреднюгой и останешься!

— Да я что, я ничего, — тут же пошёл на попятный несостоявшийся Лапушка.

— Слушайте меня внимательно. До тех пор, пока Гра-

мотейка и эти двое свободно болтаются по учебнику и со всеми разговаривают, нечего и думать об успехе нашего дела. Всех ребят во второй класс переведут. Возможно, с тройками, а не ровен час, и с четвёрками.

— Куда же от них спрячешься? — снова подал голос Помарка.

— Да не от них надо прятаться, а их куда-нибудь спрятать, чтоб духу их не было, а тем временем надо ухитриться и буквы друг с другом перессорить.

— А как? — высказал недоумение Вреднюга.

— Как — это уж твоя забота, — отрезал Кляксич.

Потом он стал что-то шептать на ухо каждому в отдельности. Через какое-то время злодеи, крадучись, вылезли из оврага и разошлись в разные стороны: Кляксич с Вреднюгой направо, а Помарка с Опиской — налево.

А в это время радостные и довольные Грамотейка, Аля и Антон весело болтали, присев на травку, под тем самым ореховым кустом, под которым нашли мешок, куда был заточён Мягкий знак. Кстати, этот последний, намучившись, сладко уснул тут же, на травке, возле своих освободителей.

— Пусть поспит, — заметил Грамотейка, — ему скоро в ельнике прятаться. Кто знает, каково ему будет там, зажатому в середину всех этих слов.

— Ребята уже наверняка начали рисовать и картинку надписывать, — высказала уверенность Аля. Ей было лучше знать. У неё был большой опыт.

— Ну что ж, а мы, пожалуй, пойдём дальше, — сказал Антон. — Вроде бы тут всё начинает налаживаться.

Чуть поодаль, за соседним ореховым кустом, кто-то ехидно хмыкнул, но никто не обратил на это внимания.

Лесная дорога была широкой, сухой, песчаной. Она напоминала ковёр, расстеленный в прекрасном высоком здании, потому что по бокам вдоль дороги стеной высились стройные прямые сосны. Под соснами цвёл лиловый вереск. У Али и Антона было неплохое настроение. Всё-таки кое-что удалось сделать. А Грамотейка, так тот буквально ликовал. Он шёл, подскакивая и приплясывая, и пел свою любимую песенку, и песенку эту подхватывали птицы зяблики, поползни и сорокопуты.

Аля и Антон сразу поняли, про что эта песенка, и подивились тому, что, оказывается, русский алфавит можно не только выучить, не только отбарабанить в классе у доски, но ещё и спеть.

А Грамотейка горланил на весь лес:

*А, бэ, вэ, гэ, дэ, е, жэ,
И вдобавок ё.*

*Вам понравилось уже
Пение моё?*

*Зэ, и, ка, эль, эм, эн, о
И ещё и краткое,
Вижу, бьётся вы давно
Над моей загадкой!*

*Пэ, эр, эс, тэ, у, эф, ха,
Кто сказал, что чепуха
песенка моя?*

*Цэ, че, ша, ща, твердый знак,
Не запомнить вам никак?*

Ф ещё, и мягкий знак.

Э и Ю, и Я!

*До чего прекрасный вид!
Это русский Алфавит!*

Из-за его громогласного пения никто и не расслышал и без того тихие и сторожкие шаги в стороне от дороги. Кто-то там крался за ними, хоронясь в густом подлеске.

Вскоре дорога вынырнула из леса и, пробежав через густое ячменное поле, привела на берег реки. Через реку был перекинут мостик, так что Але не пришлось вспоминать про реку Чернилку, через которую ей когда-то довелось перебираться, кстати, в погоне за Кляксичем! Аля, не задумываясь, взбежала на мостик, следом за ней быстрыми шагами на тот же мостик выскочил Антон и... и не успел зазевавшийся Грамотейка вытрясти камешек из своей правой кроссовки, из-за чего он и задержался на берегу, как подпиленный кем-то мостик зашатался и с треском рухнул. Аля и Антон, описав в воздухе мёртвую петлю, рухнули в реку. Правда, не совсем в реку, а в лодку, которая специально их и караулила, притаившись под мостом.

Вреднюга тут же схватился за вёсла, не дожидаясь, пока Кляксич заведёт мотор. Но вот мотор зафыркал и заревел, и во мгновение ока лодка скрылась из глаз изумлённого Грамотейки. Грамотейка остался стоять на берегу один, не в силах сразу сообразить, что же ему теперь делать.

Глава пятая

А на сорок седьмой странице в уютном скверике согласные и гласные буквы устроили вечер танцев с чаепитием и фейерверком.

Кстати, гласных букв ведь гораздо больше, чем звуков, потому что к ним добавляются ещё и буквы я, ё, ю. Так или иначе, в скверике царило непринуждённое веселье, и все танцевали со всеми шейк, несколько вышедший из моды танец буги-вуги и совсем уж старинное танго.

И как-то незаметно вдруг среди веселящихся букв появились Помарка и Описка. И исподтишка, шепотком начали накручивать буквы друг против друга.

Отозвав в сторонку букву Ы, они стали ей нащёптывать:

— Ты заметила, Ж всё время с И танцует, только её и приглашает, а тебя как бы и на свете нет. Вот погоди, объявят белый танец, ты беги и сама пригласи Ж.

— Крепче за руки дерЖЫсь, в вальсе медленном круЖЫсь, — запел Помарка фальшивым голосом. — Видишь, какое Ж и Ы красивое сочетание?

Тут в разговор вмешался Описка:

— А Ш что сегодня так важничает? Тоже тебя совершенно игнорирует? Всё время только букву И у Ж перехватывает. Ты-то чем хуже? Ты попробуй, скажи какое-нибудь симпатичное слово. Ну вот, например, «горошина». Выговаривается-то Ы, а вовсе не И. Давай, гони ты куда подальше эту зарвавшуюся букву И!

— А что, в самом деле, — взорвалась вдруг буква Ы, — рыжая я, что ли! Что мне этот Грамотейка! Что мне сама Юлия Викторовна из первого «Б»! Пойду прогоню эту букву И и сама буду и с Ж и с Ш все танцы танцевать. «Не грусти и не тужЫ, расцветают ландышЫ», — промурлыкала буква Ы себе под нос и отправилась отбивать у своей бывшей подруги И букву Ж, а заодно уж и Ш.

— Одна есть, — пробормотал Помарка, выискивая кого-то в толпе. — Ага, — удовлетворённо кивнул он и направился прямоиком к букве Я.

Буква Я сидела в стороночке на лавочке и от нечего делать жевала солёные орешки, доставая их из зелёнького пакетика.

— Сидишь? — ехидно заметил Помарка. — На солнышке загораешь?

— Ну и что? — огрызнулась буква Я.

— А то, что буква А всё время с Ч и Щ то беседует, то танцует.

— А мне какое дело?

— А такое, что она же твоё место занимает, ты что, не видишь и не слышишь!

— А чего мне слышать?

— Ну ты прямо как буква Ю. Туповата и на ухо туповата.

— Чего-чего это ты тут городишь, а? — подскочила к нему буква Ю.

— А ничего, — отрезал Помарка, — только вы поглядите, как ваше место занимают А и У.

— Как это?

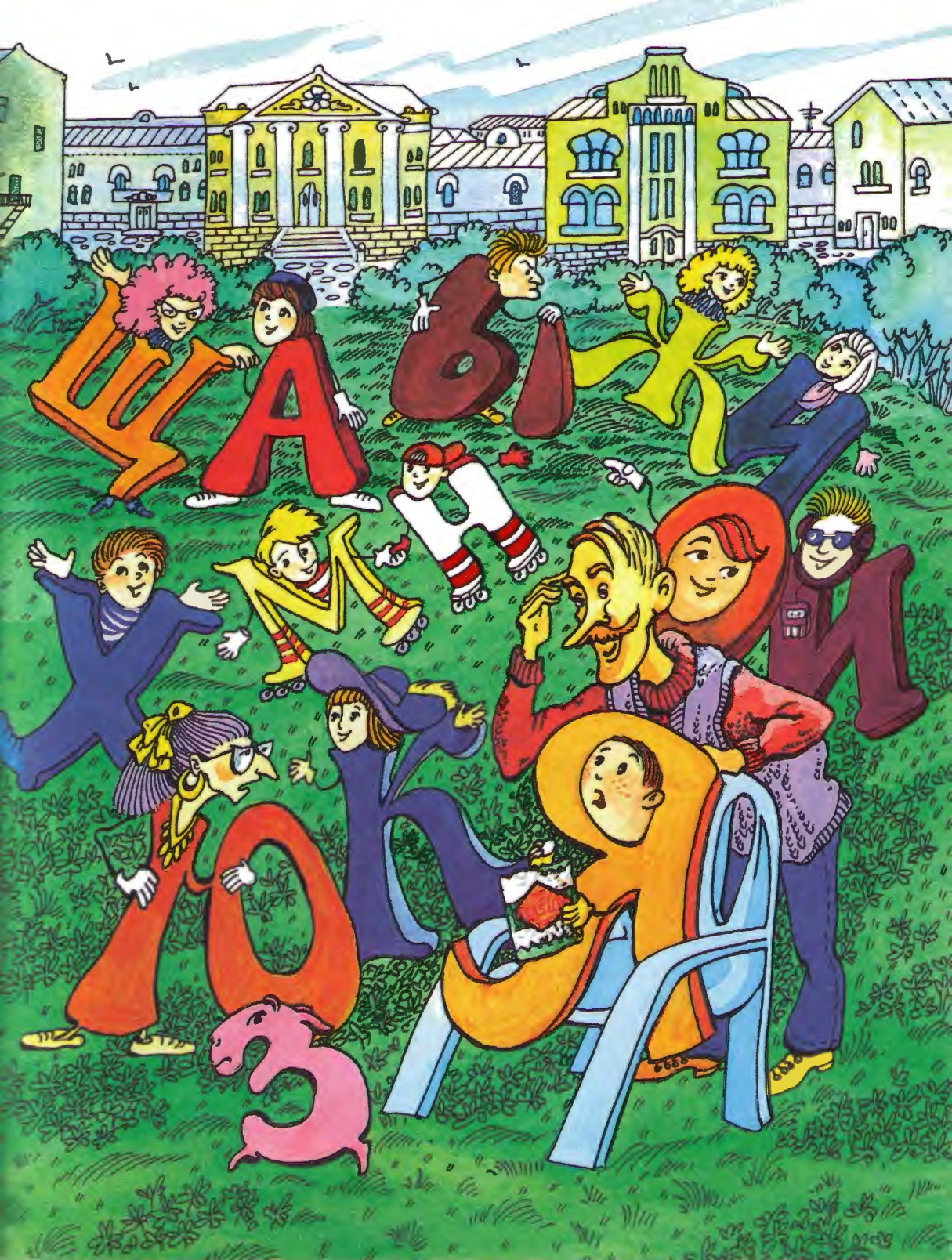
— А так. Прислушайтесь. «Чудо». Какая буква слышится? Ю! «Щука». Какая буква слышится? Ю! А пишется? У пишется! И поэтому Ч и Щ с У и не расстаются. Тебе что, разве не обидно?

— Пожа-а-алуй! — задумчиво откликнулась буква Ю.

— А меня-то ты за что глуповатой обозвал? — воскликнула буква Я.

— А за то, что те же Ч и Щ всё твоё звучание буквой А заменили! Вот почему!

— И то правда, — воскликнула буква Я. — А ну, подруга, пойдём-ка, наведём порядок!

Помарка и Описка радостно переглянулись.

Лодка с Алей и Антоном, в которой увозили их Кляк-сич и Вреднюга, стремительно неслась по реке.

Грамотейка, стоя на берегу, пытался быстро сообразить, что же теперь ему делать. Как выручать друзей? И сколько беды ещё за это время наделают Помарка и Описка? Сколько ребят наляпают чудовищных ошибок и сколько двоек появится в тетрадках и дневниках? Кошмар и ужас!!!

— Кошмар-р! Кошмар-р! — вдруг застрекотал кто-то прямо над самым его ухом.

Это была Сорока, которая жила на пятьдесят третьей странице учебника.

— Что ты кричишь, — оборвал её Грамотейка. — Ты видела, что случилось? Надо что-то срочно предпринять!

— Пр-р-ридумала! — продолжала стрекотать сорока. — Я уже пр-ридумала! Сейчас созову птиц. На пятьдесят седьмой живёт дятел, на шестидесятой — скворец.

Сорока, замахав крыльями, стрелой умчалась прочь.

А дальше было вот что. Все птицы со всего учебника собрались и, догнав лодку, стали махать крыльями прямо перед глазами Кляксича и Вреднюги. Те, пытаясь их отогнать, совсем потеряли управление.

— Антон, скорей, — первой опомнилась Аля. — Рули к берегу.

Антон так и сделал. И вот они уже на берегу. Антон снова запустил мотор и оттолкнул лодку. А чтобы тут же не произошло какой-нибудь вредности, он связал Кляксичу руки Алиным пояском.

Вреднюга был так напуган, что его никто не принял в расчёт. А птицы... Что ж птицы. Мы уже видели, что учебник русского языка книга вполне волшебная. Птицы усадили Алю и Антона к себе на спину и отнесли их в тот самый скверик, куда уже успел добежать Грамотейка, где вот-вот должно было расстроиться веселье из-за происков Помарки и Описки.

Сообразив, в чем дело, Аля и Антон собрали вокруг себя все буквы.

Антон решил держать речь.

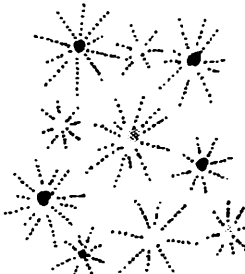
— Уважаемые буквы, — сказал он. — Никакой обиды никому нет оттого, что в русском языке не всегда пишется то, что слышится. Потому что как люди живут по законам, так и буквы живут по правилам. А правила таковы, что после Ж и Ш пишется И, после Ч и Щ — пишется либо А, либо У. И это совсем не значит, что Ы, Я и Ю должны с этими буквами поссориться.

А чтобы всем было понятно, и чтобы ученики могли запомнить, давайте-ка, становитесь все в круг. И мы

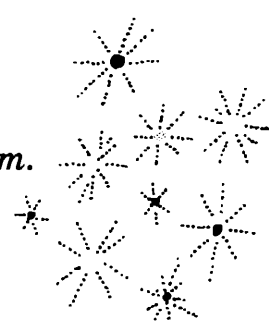

будем петь грамматические песенки и танцевать общий танец. Аль, давай вместе, а буквы нам подпоют.

И до темноты, до того, как можно было запускать фейерверк, они все весело плясали и пели вот такие забавные песенки:

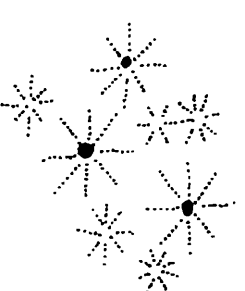

*Возле речки камыШИ
И рогоз.
До чего же хороШИ,
Веселятся от дуШИ
Стайки бронзовых
Стрекоз!*

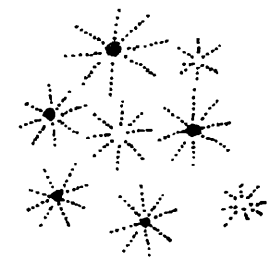

*Рядом ЖИмолость растёт.
А на ней
Кто так весело поёт?
Соловей.
На ветвях поют чиЖИ,
Не синицы, не стриЖИ,
в ЖИзни песни не слышал
Веселей!*

Немного покружившись и попрыгав, все дружно запели дальше:

*Восемь маленьких граЧАт
Целый день в гнезде криЧАт:
«В роще, в самой ЧАще
Появляйся ЧАще,
Приноси не молочка,
А слепня и червячка!»*

*На лугу растёт ЩАвель,
Слева, справа и повсюду.
Всех я в гости позову,
УгоЩАть похлёбкой буду!*

И так хорошо, весело и дружно все пели, что не заметили, как Помарка и Описка потихонечку смылись.

А песенки продолжали звучать:

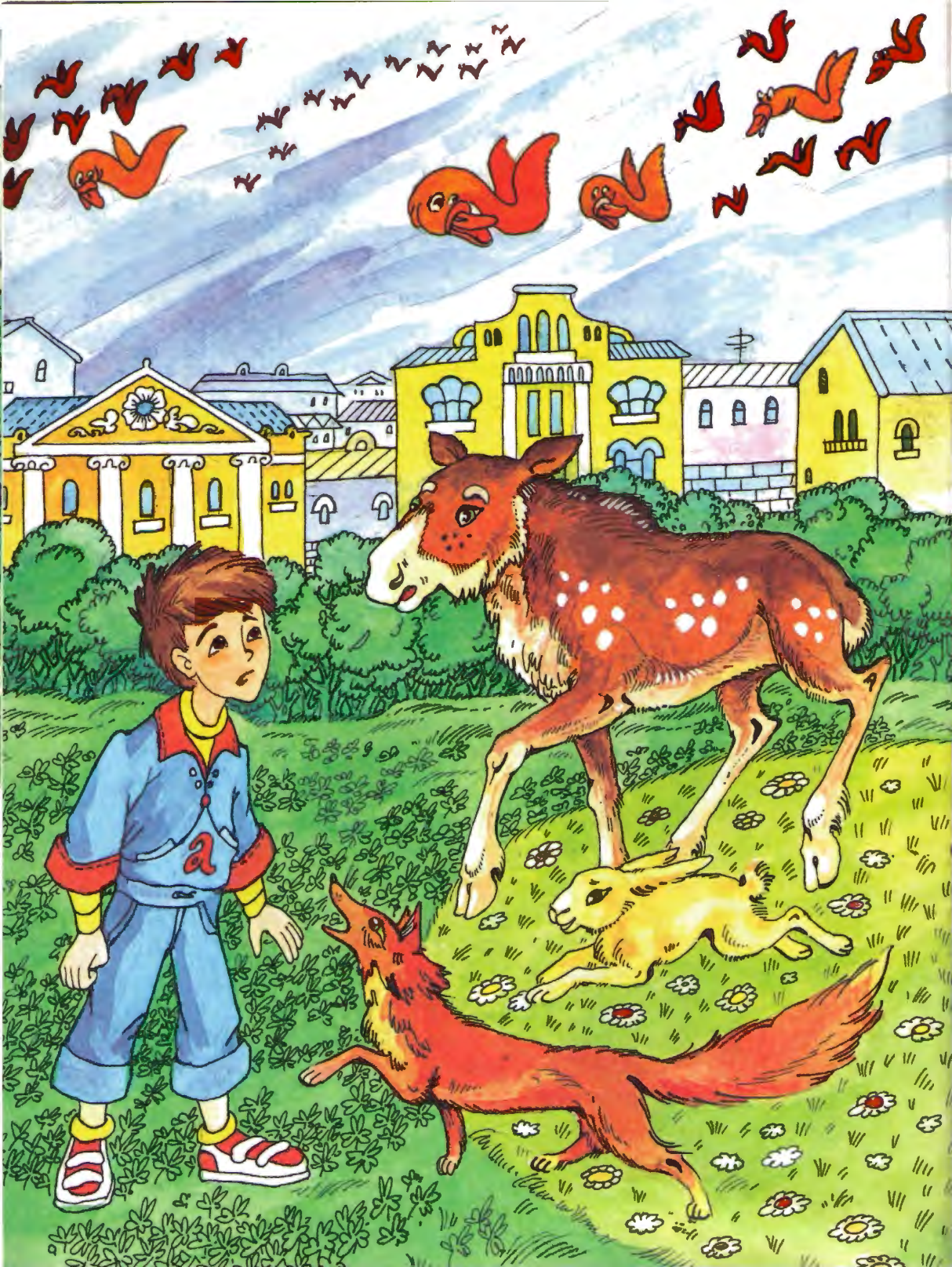
*Ты кричишь, и я криЧУ,
Ты молчишь, и я молЧУ,
Я тебе мешать работать,
Право слово, не хоЧУ!*

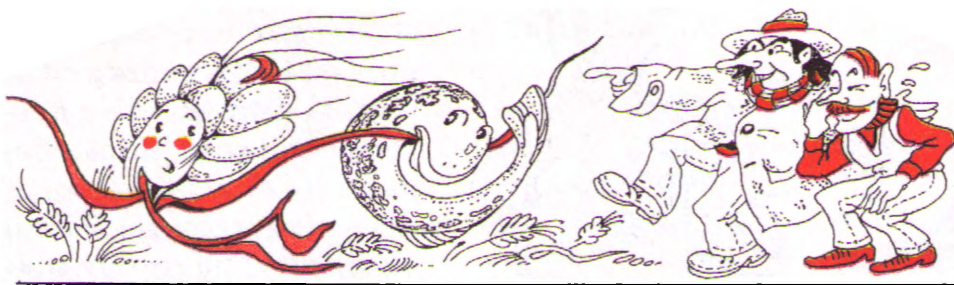
*ЩУка и ЩУрятки
Со мной играют в прятки.
Я их в речке поиЩУ,
Червячками угоЩУ.*

Итак, Кляксич снова был посрамлён. Да здравствует наука!

...А когда совсем стемнело, в небе звёздными клумбами расцвели ракеты фейерверка.

глава шестая

— Как ты думаешь, Грамотейка, — спросила Аля, — может, Кляксич и Вреднюга уплыли по реке куда-нибудь далеко-далеко...

— В какой-нибудь другой учебник, — подхватил Антон, — и у вас тут всё само собой и без нас наладится, а?

— Ох, как хотелось бы, чтобы всё наладилось, — вздохнул Грамотейка.

Но не тут-то было!

— Грамотейка! — слышалось издали. — Грамотейка, помоги, пожалуйста! Они украли ударения!

Над головами у всех быстро одна за другой пронеслись три гусиные стаи. Аля с Антоном тут же поняли, что это летят двойки, чтобы расселиться по тетрадкам их соучеников и, может быть, даже свить там гнёзда и вывести птенцов.

Но помощи просили, естественно, не гуси. Вслед за пролетевшими стаями на виду показались лосиха, лисица и заяц.

— Что опять случилось? — усталым голосом спросил Грамотейка. — Вы вроде бы с шестьдесят второй страницы. Если я, конечно, не ошибаюсь.

— Да нет, всё верно, — ответили звери хором. — Мы из сто пятьдесят первого упражнения.

— Ужасные вещи творятся, Грамотейка, — вздохнула лосиха.

— Ты представляешь себе! — так и подпрыгивал на одном месте заяц. Кстати, лисица не сделала ни одной, даже малейшей попытки его слопать.

— Ты представляешь, — тараторил заяц, — они собрали все ударения!

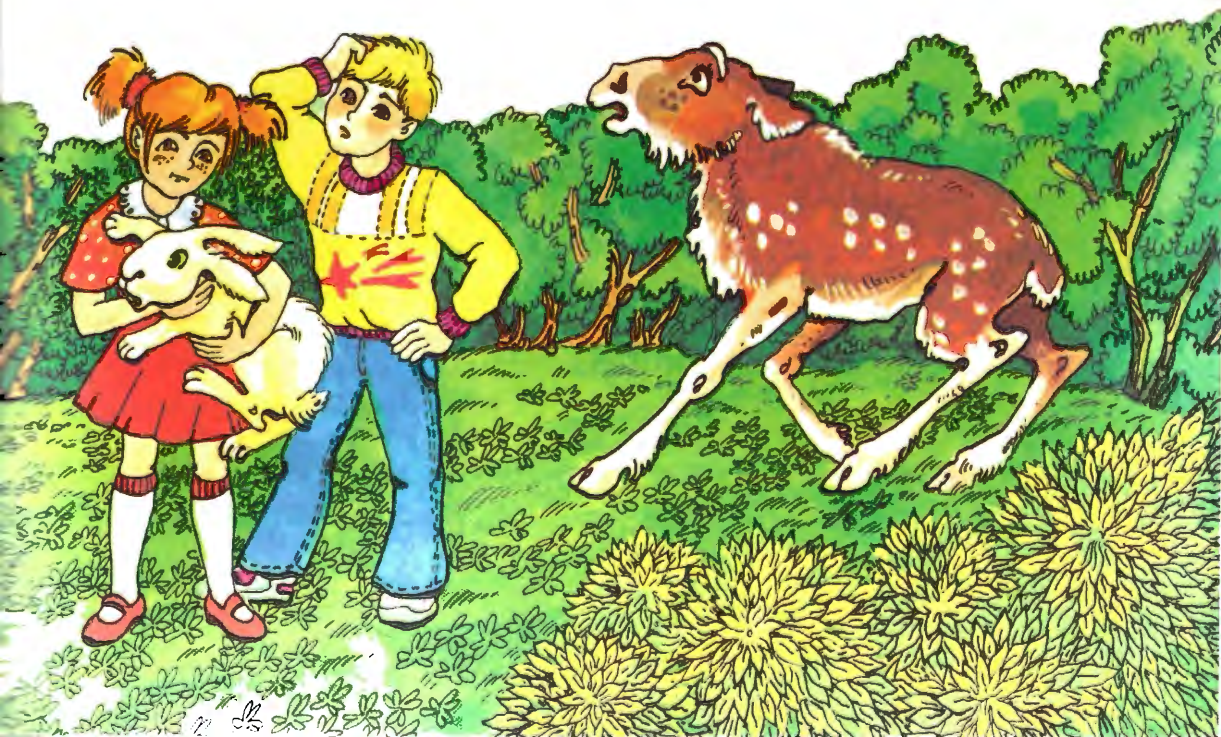
— Ну прямо как грибы в лесу, — добавила лисица.

— Всё смели и всё куда-то утащили, — не унимался заяц. — В учебнике Бог знает что делается!

— Ну, видите! — обратился Грамотейка к Але и Антону. — Ясно вам?

— Мне не ясно, — не постеснялась признаться Аля. — Я вижу, что-то происходит, а что — я не поняла.

Но Грамотейка ничего не успел ей объяснить, потому что в скверике, откуда они, заговорившись, так и не успели никуда уйти, вдруг, раздвигая кусты акации, появилась огромная, должно быть, в три человеческих роста, а может и больше, статуя. Но статуя эта почему-то заливалась слезами.

— Ударения... — вымолвила статуя сквозь слёзы.

— Я уже слышал про ударения, — раздражённо сказал Грамотейка. — Говори толком.

— Кляксич подговорил Вреднюгу стащить все ударения. Он его убедил, что так всем будет лучше: нет ударений, так и не надо думать, где их ставить...

— А дальше что? Ты-то откуда явился?

— Я... — всхлипнула статуя, — я... с шестьдесят первой страницы.

— Вздор! — вспылil Грамотейка. — Я знаю учебник не хуже, чем собственную квартиру, там нет никаких статуй.

— Конечно, до сих пор и не было, — кивнула статуя своей огромной головой и уронила крупную слезу. — Я был прелестным золотистым колоском в стихотворении.

*Солнце печёт,
Липа цветёт,
Рожь поспевает.*

Правда, там почему-то не напечатана последняя строчка «Когда это бывает». Но дело не в этом. А в том, что Кляксич теперь ставит ударения так, как ему заблагорассудится, и он обозвал меня «колос», и тут же ко мне пристроилась ещё одна буква «с», и я сделался знаменитой статуей древности, Колоссом Родосским, хотя, по правде-то говоря, её уже давным-давно разрушило землетрясением.

Издали доносились чьи-то горькие рыдания.

— Кто это? — спросила с трудом пришедшая в себя Аля.

— А это мука, — флегматично заметил Колосс Родосский.

— Какая мука? — стряхнул с себя оцепенение Антон.

— Да обыкновенная. Пшеничная. Только Кляксич взял да и поставил ударение на первом слогѣ. Вот и получилась му́ка. Вот она и мучается.

— А вы говорите — «образуется», — с горечью заметил Грамотейка.

На дальней аллее скверика нарисовалась вся компания: и Кляксич, и Вреднюга, и двое остальных. Они шли в обнимку и хором распевали:

*Мы с морозом заодно,
Станет людям холодно.
Что ж, в таком случае
Мы напьемся чаю!*

— Ужас, какая безграмотность! — схватился за голову Грамотейка. — Разве можно так ставить ударения?!

Антон было дёрнулся, чтобы побежать и догнать их, но все четверо каким-то образом неожиданно скрылись из виду.

— Ну вот, — сказал Грамотейка. — Теперь-то мне точно без вас не обойтись. Ударные и безударные гласные — это же чуть ли не самый серьёзный раздел в учебнике. А если все ударения будут в руках этих бандитов, то и говорить нечего. Двойки. И все — на второй год.

— Нечего приходить в отчаяние, Грамотейка, — собрался с духом Антон. — Мы не сдадимся, так ведь, Аля?

— Но мы же не знаем, что делать, — несколько усомнилась Аля. — Надо хорошенько поразмыслить, — добавила она.

— Ударения надо вернуть во что бы то ни стало, так? — тут же начал размышлять Антон.

— Так, — согласился Грамотейка.

— Значит, надо Кляксича и всю его команду отыскать, — добавила Аля.

— Но отыскать мало, — продолжал рассуждать Антон. — Надо ещё суметь все ударения у них отобрать.

— А справимся ли мы одни-то, а, Антош?

— Так. Так. Подождите-ка, — почесал в затылке Грамотейка. — Речь идёт об ударениях... Ага. Значит, надо пригласить безударные гласные и проверочные слова... Так... так... Сообразил!

— Объясни, пожалуйста, — попросила Аля. — Ты что-то бормочешь невнятное.

— Сейчас мы соберём небольшую армию, — сказал Грамотейка. — В конце концов, я тут тоже не последний человек. Мы ещё посмотрим, чья возьмёт!

глава седьмая

— За мной, друзья! — скомандовал Грамотейка, взяв в руки палочку, похожую на милицкий жезл. Он двинулся в том направлении, где так неожиданно исчезли Кляксич и компания.

Вскоре друзья оказались на широкой квадратной площади.

Грамотейка так резко остановился, что Аля чуть было не налетела на него, а Антон — на Алю.

— Сейчас я вызову нужные мне слова с безударными гласными, а в бой на Кляксича их поведут проверочные слова — храбрые вояки, и посмотрим ещё кто-кого, — повторил Грамотейка. — Вы, пожалуйста, не оставляйте нас, потому что ваша способность «поразмыслить» может оказаться необходимой, — обратился он к Але и Антону.

— Кроты! — крикнул громким голосом Грамотейка. — Коты! — позвал он так, что в дальних горах откликнулось раскатистое эхо. — Дрозды! — прогреготал он, точно мимо проехал танк. И тут же, откуда ни возьмись, на площадь стали выходить кроты, кроты, кроты, а вслед за ними толпой повалили воинственного вида коты с задранными кверху хвостами. Вслед за ними стая за стай стали слетаться дрозды.

— Понимаете? — обратился Грамотейка к Але и Антону. — Тут очень легко сделать ошибку, если не иметь под рукой ударение и не знать, как проверять безударные гласные. Можно ведь написать «краты», и «каты», и «дразды». Этого-то и добивается Кляксич.

Тем временем на площади выстраивались полки: полк кротов, полк котов и летняя дроздовая эскадрилья.

— А поведёт каждый полк проверочное слово, — продолжал Грамотейка. — Во главе одного полка станет Кот, другого — Крот, а третий возглавит генерал Дрозд. Они такие важные, потому что гласные у них стоят под ударением. Я понятно объясняю?

— Понятно, — сказал Антон. — Чтобы проверить безударную гласную, надо найти проверочное слово и поставить эту гласную под ударение.

— Именно так, — подтвердил Грамотейка.

— А Кляксич и Вреднюга ударения крадут, — окончательно разобрался в ситуации Антон.

— И что же будет дальше? — поинтересовалась Аля.

Но Грамотейка ответил не ей. Взмахнув своим жезлом, он отдал команду:

— Полки, смирно!!! На Кляксича и всю его банду — в поход — шагом марш!!

Тут оба наземных полка разом зашагали в ногу вместе, а дроздовая эскадрилья взвилась в воздух.

Ведомые своими генералами, кроты и коты шагали стройными рядами и дружно пели песню:

*Слово точно проверяй,
Удареньем ударяй.*

— Раз-два! Раз-два, левой, левой, — раздавалась команда. А песня продолжала звенеть:

*Диктант и изложение,
Рассказ, стихотворение...
Где нужно, ударение
Поставь без промедления.
А если не стараешься,
А если зазеваешься,
Ошибок ливень хлынет,
Гроза тебя не минет:
В журнал, в тетрадку и в дневник
Получишь двойку, ученик,
И хочешь иль не хочешь,
«Гуся», дружок, схлопочешь!*

— Я знаю, — сказал Антон. — Гуси — это двойки. Они однажды меня чуть до смерти не заклевали. Помнишь, Аль?

Аля молча кивнула.

Антон, Аля и Грамотейка двигались в том направлении, куда ушли полки котов и кротов. Они свернули с площади налево, прошли улицей, потом бульваром, снова улицей и оказались за городом.

— Очень бы хотелось знать, — размышлял Грамотейка, — утащил ли Кляксич все ударения с собой или прятал где-нибудь по дороге, чтобы легче было удирать?

Перед ними расстилались поля, засеянные злаками. В межах росли какие-то диковинные цветы. Прямоком через поле шли столбы электропередачи. На самом краю одного из полей к колышку была привязана овца. И ещё — коза, которая тоже была привязана к колышку, но только на очень длинной верёвке. На горизонте тёмно-синие тучи. Там явно собиралась гроза.

— Что-то мне здесь кажется подозрительным, — сказал Грамотейка, останавливаясь неподалёку от овцы.

— А что тебе кажется подозрительным? Вроде бы ничего особенного. Ну, коза, ну, овца, — заметил Антон.

— Не спеши, Антош, — перебила его Аля. — Тут и правда надо поразмыслить.

— Да чего тут размышлять? Откуда ты взяла, что надо?

— Ин-ту-иция, — сказала Аля, медленно разделяя слово на слоги.

— Да, да, да, — подхватил Грамотейка, — и у меня — интуиция. Почему вдруг одна овца, а, скажем, не отара овец, как обычно бывает. Или, на худой конец, видишь ведь иногда, как в коровьем стаде ходят ещё и овцы...

— Стой, погоди! — завопил Антон. — Я, кажется, начинаю догадываться. Смотри — тут всюду кроются безударные гласные, сплошные слова для делания ошибок: овца, коза, поля, столбы, цветы, гроза. Везде слышится «а», но пишется «о».

— Ты прав, ты прав! — согласился с ним Грамотейка. — Тут что ни слово — то подвох. В каждом можно сделать ошибку. То-то я почувствовал что-то неладное. Что это нам даёт?

— И мне кажется, что тут что-то кроется. Только вот что? — подхватила Аля.

— Я не знаю, правильна ли моя догадка, — начал Антон неуверенно.

— Наверняка правильна, — с жаром подхватила Аля. — Ты такой умный, Антошка, я не раз в этом убеждалась.

— Подожди, Аль, — охладил её пыл Антон. — Сейчас поставим один опыт, и тогда всё выяснится.

— Какой опыт?

— А вот смотри. Ты думаешь, почему тут одна коза?

— Ну, наверно, у хозяев нет денег, чтобы купить вторую, — задумчиво высказала догадку Аля. — А может, она бодается, и её привязали.

— Да нет же! Это всё Кляксич!

— Кляксич? — переспросил Грамотейка.

— А вот сейчас увидим, — загадочно улыбнулся Антон. И быстро заговорил: — Коза — козы, овца — овцы, гроза — грозы, цветы — цвет, столбы — столб, поля — поле. — И когда он так говорил, из каждого слова выскакивало ударение. Как только Антон превращал ударный слог в безударный, ударение — прыг — и резво подбегало к Грамотейке.

— Ага! — торжествовал Антон. — Я правильно догадался! Кляксич упрятал ударения в безударные слоги!

— Ну и голова же у тебя, Антон! — восхитился Грамотейка.

— А теперь вперёд, — весело сказал Антон. — Приглядывайтесь внимательно ко всему, что будет попадаться нам по дороге. Мы ко всему найдём проверочные слова и освободим все ударения.

— Кляксич хитёр, но и мы не простаки! — ликовал Грамотейка. — Посмотрим ещё, чья возьмёт!!!

И они пошли дальше, и вскоре все ударения уже заняли свои места. Но Кляксича им пока не удалось догнать, да и кроты с котами, а с ними вместе и дрозды куда-то запропастились.

Глава восьмая

— Ну, всё, — сказал Кляксич, с ненавистью глядя на Вреднюгу. — Никакой ты не Вреднюга.

— Я — Лапушка? — с надеждой спросил Вреднюга.

— Ты просто осёл, и больше никто!

— Почему же это? — робко сказал Вреднюга. — Я же сделал всю вредность, которую вы мне приказали. Все ударения были запрятаны в безударные слоги. Я же не виноват, что мальчишка такой догадливый.

— Надо было пчелу пустить. Она бы жужжала, и жалила, и не дала бы им опомниться. Это ведь ещё догадаться надо, что проверочное слово — пчёлы. А ты что? Козу привязал. Овцу. Они и бодаться-то как следует не умеют. Ну что нам с ним делать? — обратился он к Помарке и Описке.

— самого его, как козу, привязать да тут и оставить, — решительно посоветовал Помарка.

— Как же так? — захныкал Вреднюга. — Я же так старался. Разве я не заслужил? Кто же теперь будет называть меня Лапушкой? Вы же обещали! Я же всё время хотел как лучше!

Разговор этот происходил в глубокой лощине, замаскированной еловыми ветками. Вдруг до разговаривавших донеслась команда:

— Разойтись! Построиться по трое! Обыскать весь лес! Они не могли уйти далеко! Грамотейка велел поймать Кляксича и обезвредить!

— Ещё чего! — пробурчал Кляксич. — Не дождутся!

— Что же нам, однако, делать? — шёпотом спросил Помарка.

— Так, — сказал Кляксич. — Смываемся по-одному. Компас есть? Я — на север, ты, Помарка, на запад, ты, Описка, — на восток.

— А я? — прохныкал Вреднюга.

— А ты остаёшься здесь! Пусть тебя ловят и обезвреживают!

— Я боюсь! Что они со мной сделают?

— Что захотят, то и сделают.

— Где место встречи? — спросил Помарка.

— На семьдесят второй странице. Там, где глухие и звонкие. Мы ещё поборемся. Мы ещё оставим их всех на второй год!

И Кляксич вместе со своими подручными поспешно слинял, оставив дрожащего Вреднюгу одинёшенького в лесу, который кишел преследователями.

— Подождите! — вопил Вреднюга. — Не оставляйте меня одного!

Но его уже никто не слышал. И только ветер доносил в его убежище обрывки песенки, которую напевали прочёсывающие лес коты и кроты:

*Диктант и изложение,
Рассказ, стихотворение —
Где нужно, ударение
Поставь без промедления.*

Вреднюга весь сжался в комочек. Ему хотелось совсем исчезнуть. Как любят говорить писатели-фантасты — аннигилироваться, что по сути обозначает то же самое, только звучит красиво, по-иностранному.

Однако исчезнуть ему не удалось. Прямо перед ним как из-под земли выросли три боевых генерала: Кот, Крот и Дрозд.

— Смир-р-рно! — скомандовали они хором. — Стоять! Отвечать! Где Кляксич и его подручные?

— Я... я не знаю, — испуганно пролепетал Вреднюга. — Я... я не помню!

— Ах вот как! Значит, будешь вредничать. Ну что ж! Будешь Вреднюгой во веки веков, в учебники-учебников, до скончания века, до тех пор, пока существуют на свете учебники и ученики первого класса!

— Пожалуйста, не надо, — залепетал Вреднюга. — Я всё скажу. Я не хочу больше быть Вреднюгой. Я никогда не хотел! Слушайте: Кляксич отправился на семьдесят вторую страницу. Что он хочет сделать, я не знаю. Только он решил, что обязательно оставит всех учеников первого «Б» на второй год!

— Ясно! — сказал генерал Кот.

— Примем меры! — поддержал его генерал Крот.

— К сожалению, все мы не можем повести свои полки на семьдесят вторую страницу, — заметил генерал Дрозд. — Мы обитаем на шестьдесят первой странице, где помещаются безударные гласные. На семьдесят второй, если мне не изменяет память, живут согласные, и мы на их территории разворачивать военные действия не имеем права.

— Но надо же известить обо всём Грамотейку, — вступил вдруг Вреднюга с совсем не вредным предложением.

— Резонно, — согласились с ним генералы.

— И сделать это мы поручаем тебе, — сказал генерал Кот.

— Однако это не преждевременно ли? — возразил ему генерал Крот. Ведь этот господин служил в банде Кляксича!

— Да не служил я! Он меня обманул! Он обещал, что, когда я сделаю всё по его приказу, меня будут звать Лапушкой!

— Лапушкой? — повторил Крот. — Оригинально... Ну ладно. Отправляйся, найди Грамотейку...

— И его друзей, — добавил Вреднюга.

— И его друзей, — повторил за ним Крот, — и сообщим им, что Кляксич и его команда затевают новые гнусности...

Не успел Крот договорить, как Вреднюга сорвался с места и умчался со словами:

— Всё обязательно передам, не беспокойтесь!

глава девятая

и последняя

На семьдесят второй странице в ярко освещённом зале играла приятная музыка и в плавном танце кружились пары.

Если кто не знает или вдруг забыл, то для него можно повторить. Согласные звуки бывают глухие и звонкие. Глухие и звонкие составляют пары. Какие? Что, это тоже надо напомнить? Пожалуйста. Б и П, В и Ф, Г и К, Д и Т, З и С, Ж и Ш. Вспомнили? Так вот, эти самые пары и кружились под звуки оркестра. Но мало этого, они ещё и пели нечто, похожее на старинный романс:

*Как сладко музыка звенит,
А танец — как полёт.
Зовёт куда-то и манит.
Паркет блестит, как лёд.
Мы в танце по нему скользим.
Как этот вальс неотразим!
Угломониться бы пора.
Но мы танцуем до утра.*

В зале царило весёлое оживление, звучал смех, всем было легко и радостно на душе.

Вдруг двустворчатые стеклянные двери зала распахнулись и прямо на танцующих ринулся Кляксич с дубинкой и с ходу начал колотить по головам Б, и В, и Г, и Д...

Даже Помарка не понял, зачем он это делает.

— Ты что это? — спросил он Кляксича. — С какой целью?

— Болван! — прикрикнул на него Кляксич. — Не понимаешь, что ли! Я звонкие оглушаю. Теперь там, где

луг, все напишут «лук», и весь луг покроется луком. А где цветам цвести? Негде. А зачем пчёлам летать? Незачем. А за что хорошие отметки ставить? Не за что! Сплошной лук и сплошные двойки. Понял, дурья голова?

— Понял, — радостно закивал Помарка.

— Подожди, я ещё превращу зуб в суп, горку в корку, а дочку в точку.

— Вот и будет точка всему первому классу, — захихикал Помарка.

Но Кляксич не успел осуществить все эти кошмарные и столь опасные для первого класса «Б» планы. На по-

роге зала появились Аля, Антон и Грамотейка. С ними вместе явился и Вреднюга.

— А ну, руки вверх! — крикнул Антон и наставил на Кляксича кисточку. В руках он держал тюбик с клеем. — Думаешь, ты умеешь кляксы ставить, так и король? Сейчас я тебя, клякса несчастная, по рукам и ногам склею, не шелохнёшься.

И он мазнул Кляксича клеем. Тот так и прилип к полу.

— Ой! — ойкнул Грамотейка. Кляксич казался ему таким страшным, что храбрость Антона даже немного его пугала.

Вы спросите, откуда взялся клей? А это Вреднюга слетал аж на девяносто вторую страницу и одолжил и клей, и кисточку у двести двадцать второго упражнения.

— Лапушка ты наш, — похвалила его за это Аля.

И только она это сказала, как учебник русского языка тут же захлопнулся, а Аля и Антон оказались в Алиной комнате на коврике возле письменного стола.

— Уф! — сказал Антон, садясь прямо на коврик.
— Антош, как ты думаешь, Кляксич не отклеится?
— Ни в коем случае, — успокоил её Антон. — Клей качественный.

И он показал ей свои слегка слипшиеся пальцы.

— Ну тогда в четвёртой четверти больше не будет двоек, — сказала Аля. — А ребята даже и не будут знать, от чего мы их спасли!

— Ну и не надо, — сказал Антон.

Итак, Кляксич снова посрамлён. Теперь уже окончательно. Да здравствует наука!

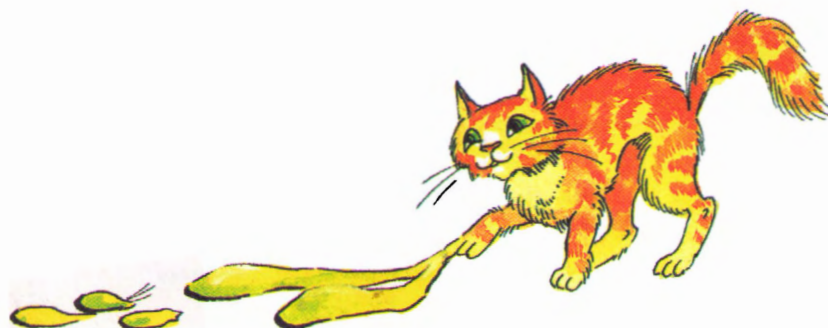
Но тут Антон глянул на часы.

— Алька, иди запри за мной, — воскликнул он, срываясь с места. — Времени — ужас! Мне от папы влетит — это уж к гадалке не ходи!

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	11
ГЛАВА 3	19
ГЛАВА 4	33
ГЛАВА 5	40
ГЛАВА 6	51
ГЛАВА 7	58
ГЛАВА 8	66
ГЛАВА 9 и последняя	73

Ирина Токмакова
АЛЯ, КЛЯКСИЧ И ВРЕДНЮГА

Художник *Татьяна Ляхович*

Редактор *Л. Кондрашова*
Художественный редактор *И. Сауков*
Компьютерная графика *А. Степнова*
Компьютерная верстка *Г. Дегтяренко*

Изд. лиц. № 065377 от 22.08.97.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Подписано в печать с готовых диапозитивов 18.02.99. Формат 70×90¹/₁₆.
Гарнитура «Школьная». Печать офсетная. Усл. печ. л. 5,9.
Тираж 15 000 экз. Заказ 1310.

ЗАО «Издательство «ЭКСМО-Пресс»,
123298, Москва, ул. Народного Ополчения, 38.

АООТ «Тверской полиграфический комбинат»
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

З ётс : Δ-л !

[illegible]

ISBN 5-04-002134-8

